

РУССКИЙ КОММУНИЗМ

Идеология. В сталинские годы произошла грандиозная идеологическая революция. Прежде чем что-то сказать о ней, сделаю краткое общее отступление и поясню, что я называю идеологией.

Первая в истории сознательная попытка создания идеологического учения, отличного от религии и претендующего на роль научного взгляда на мир, была предпринята во Франции в конце XVIII и начале XIX века и связана с именем Дестута де Треси. Наполеон назвал идеологию ложным, извращенным отражением реальности. Это убеждение разделял и Маркс, по иронии истории ставший родоначальником самого крупного идеологического феномена. На основе наблюдения и изучения идеологического опыта Советского Союза я пришел к таким выводам относительно идеологии.

От религии идеология отличается, во-первых, тем, что опирается на познание реальности, а в наше время — на научное познание, стремится выглядеть наукой и приспособить науку к своим интересам. И ориентирована она на реальность. Во-вторых, в отличие от религии, она апеллирует к разуму, а не к чувствам людей, не к вере. В идеологию вообще не требуется верить, ее принимают или не принимают сознательно, признают или не признают, делают вид, будто признают, или делают вид, будто отвергают. С ней мирятся из страха наказания или принимают из корыстного расчета. Потому и происходят странные, на первый взгляд молниеносные распространение или отказ от идеологии. В России после 1917 года в течение нескольких лет десятки миллионов приняли коммунистическую идеологию, а после 1985 года в еще более короткий срок почти все советское население болезненно отреклось от нее. С религией такое невозможно. Если случится такое чудо, что коммунистический социальный строй в России восстановится, те же десятки миллионов молниеносно быстро станут коммунистами по идеологии.

Взаимоотношения науки и идеологии являются сложными и многосторонними. Идеология вторгается в науку, испытывает ее влияние, эксплуатирует ее в своих интересах. Наука сама по себе порождает идеологические феномены, поставляет материал для идеологии, заимствует из последней отдельные идеи и понятия. И все же наука не есть идеология, а идеология не есть наука. Они различаются по целям, по средствам и по отношению к реальности. Задача науки — познавать мир, поставлять обществу знания обо всем, что интересует людей и важно для их жизни, разрабатывать методы получения новых знаний и их использования. Задача идеологии — не открытие новых истин о природе, обществе и человеке, а организация общественного сознания, управление

людьми путем воздействия на их сознание и приведения их сознания к некоторому общественному стандарту, воспитание масс населения в духе, необходимом для самосохранения общества, выработка стандартных «координат» ориентации людей в окружающем мире. Идеология отбирает в наличном интеллектуальном материале лишь некоторую его часть по своим собственным критериям и перерабатывает отобранное по своим собственным правилам. Делает она это с таким расчетом, чтобы ее могли усвоить широкие слои населения, обладающие некоторым минимумом образования и культуры, независимо от их возраста, пола, профессии, социального положения. Хотя идеологию создают и хранят особого рода люди — профессиональные идеологи, усвоение ее не предполагает особой профессиональной подготовки и очень больших трудовых усилий.

Наука стремится к точности и однозначности терминологии. Утверждения науки предполагают возможность их подтверждения или опровержения или в крайнем случае доказательство их неразрешимости. Понимание науки предполагает специальную подготовку и особый профессиональный язык. Наука вообще рассчитана на более или менее узкий круг специалистов. При создании идеологии все эти условия науки нарушаются, причем не из-за личных качеств идеологов, а вследствие их стремления исполнить роль, предназначенную для идеологии. В результате получаются конструкции, состоящие из многосмысленных, расплывчатых и даже бессмысленных языковых форм. Фразеология идеологии приобретает какой-то смысл лишь при условии определенного истолкования и примысливания.

Наука стремится к соблюдению правил логики. Идеология же алогична по существу. Она использует внешние проявления логичности мышления, чтобы скрыть отсутствие именно логичности. И это не слабость, а скорее сила идеологии, ибо она предназначена не для изошренных в логике одиночек, а для масс людей, не имеющих никакого представления о настоящей логичности мышления или имеющих весьма поверхностные представления на этот счет. Если вы, например, заявляете, что при капитализме производство приобрело общественный характер, а присвоение осталось частным, что это является непримиримым противоречием капитализма, что форма присвоения должна быть приведена в соответствие с производством, т.е. тоже стать общественной, то логика рассуждения покажется «железной», в особенно-

сти если хочется, чтобы именно так и случилось. Но если вы произведете логический анализ понятий «производство», «общественный характер», «присвоение», «частная собственность», «соответствие», «общественная собственность» и покажете, что никакой необходимости тут нет, то это мало кому будет понятно. Это будет представлять интерес лишь для немногих специалистов.

В идеологии далеко не все есть ложь и извращенное отражение реальности. В ней многое верно. В науке далеко не все есть истина, в ней полно ложных утверждений и даже целых теорий. Ошибочно идеологию отождествлять с ложностью, а науку с истинностью. Многие утверждения идеологии, если их рассматривать с критериями науки, являются ложными, неопределенными или бессмысленными, т.е. неистинными. Но в основном и в целом к идеологии вообще неприменимы научные критерии проверки. Утверждения идеологии не непосредственно сопоставляются с реальностью, о которой они говорят, и не буквально в том словесном виде, в каком они формулируются, а в двойном опосредовании: через представления людей об этой реальности, которые складываются у них независимо от идеологии, и в дополнительном истолковании. Так что сопоставляются тут субъективное истолкование утверждений идеологии и субъективные же представления о реальности. И тут нужны оценочные критерии иного рода, чем в науке, — не понятия «истинно», «ложно», «вероятно» и т. д., а «адекватно», «неадекватно» и степени адекватности, «действительно», «излишне», «устарело» и т. п.

Сталинская идеологическая революция. Рождение советской идеологии как идеологии реального коммунистического общества началось в двадцатые годы и завершилось в основном в послевоенные годы. В эти годы определилось содержание идеологии, определились ее функции в обществе и методы воздействия на массы населения, определилась структура идеологических учреждений и выработались правила их работы. Эта беспрецедентная идеологическая революция произошла под руководством Сталина и его соратников.

Кульминационным пунктом этой идеологической революции стал выход в свет работы Сталина «О диалектическом и историческом материализме». Существует мнение, будто эту работу написал не сам Сталин, а кто-то другой или другие. Возможно, что это так и было. Но если даже Сталин присвоил чужой труд,

он сыграл неизмеримо более важную роль, чем сочинение довольно примитивного с интеллектуальной точки зрения текста: он дал этому тексту свое имя и навязал ему огромную историческую роль.

Эта сравнительно небольшая статья явилась идеологическим шедевром в полном смысле этого слова. Не научным (научного в нем почти ничего не было), а именно идеологическим. Поясню, в чем тут дело.

До революции партия, послужившая предпосылкой будущей КПСС, была ничтожна численно. Вопросами теории занимались одиночки — партийные вожди, теоретики, профессора, писатели, журналисты. Причем занимались либо в социально-политическом плане (проблемы политической борьбы, революции, власти, событий в мире), либо в сфере абстрактного теоретизирования. После революции положение партии в обществе изменилось, изменилась сама партия, изменилась роль того, что называли вопросами теории. Встала задача идейного воспитания новой гигантской правящей партии, воспитания многомиллионных масс населения, управления ими, мобилизации их на строительство нового общества. А с чем приходилось иметь дело сначала? Малограмотное и совсем безграмотное население, процентов на девяносто — религиозное. В среде интеллигенции преобладали всякие формы «буржуазной» (некоммунистической) идеологии. Партийные теоретики, как правило, недоучки, болтуны, начетчики и догматики, запутавшиеся во всякого рода старых и новых идейных течениях. Да и свой марксизм они знали плохо, а в большинстве вообще знали лишь в самых общих чертах. А теперь, когда возникла задача переориентировать основную «теоретическую» работу на массы низкого образовательного уровня и зараженные старой религиозно-самодержавной идеологией, партийные теоретики оказались совершенно беспомощными. Нужны были идеологические тексты, соответствовавшие новой задаче. Нужна была идеология как таковая, с которой можно было бы уверенно и систематично обращаться к миллионам рядовых членов партии и к десяткам миллионов рядовых граждан. Сталинистам надо было занизить уровень исторически данного интеллектуального материала марксизма так и настолько, чтобы он стал идеологией интеллектуально примитивной и плохо образованной массы населения. Главной проблемой для них стало не развитие марксизма как явления культуры,

а приспособление его к интересам именно идеологической работы. Нужно было создать учение, понятное широким слоям населения, а не только узкому кругу профессионалов, свободное от религиозных предрассудков и вместе с тем создающее иллюзию приобщенности к высотам науки, освященное авторитетом науки. Сталинская работа стала фокусом, ориентиром, острием решения этой эпохальной задачи, своего рода главнокомандующим и знаменосцем армии прочих идеологических текстов, которые стали производиться по этому образцу в гигантских масштабах и завоевывать все идейное пространство общества.

Принято считать, будто Сталин вульгаризировал марксизм. Но поставьте такой вопрос: что нового внесли в марксизм советские идеологи после смерти Сталина, если отбросить их словоблудие и несущественные пустяки? О вульгаризации можно говорить, если первоисточники суть вершины (или глубины?) премудрости. Но если рассмотреть эти первоисточники с точки зрения строгих научных критериев, то обнаружится, что и вульгаризировать-то нечего было. Было что очищать от словесной шелухи. Было кое-что, чему можно было придать удобоваримый вид, пересказав нормальным человеческим языком. Но вульгаризировать?! Сочинения Сталина (или приписываемые Сталину) и явились той живой мышью, которую родила гора заумных текстов марксизма.. Из последних для нужд великой идеологической революции просто нельзя было выжать больше.

Идеология вместо религии. Общеизвестно, какая настойчивая и ожесточенная борьба против религии и церкви велась в Советском Союзе после революции. Почему? По меньшей мере наивно рассматривать это просто как проявление беспричинной злобности, глупости и прочих отрицательных качеств деятелей революции и строителей нового общества. Причины для этого были, причем самые глубокие и серьезные с точки зрения хода истории. Это была не криминальная операция группы злодеев, а грандиозный исторический процесс. Указать на эти причины — не значит оправдать историю. История не нуждается ни в каком оправдании. Она проходит, игнорируя всякие морализаторские оценки ее событий и результатов. И нам остается лишь ломать голову над тем, как и почему это случилось.

Было бы также недостаточно объяснять эту борьбу против религии и церкви тем, что последние оказались на стороне контрреволюции и что вожди революции организовали эту борьбу в

угду марксистской доктрине относительно религии. На религию и церковь действительно были обрушены репрессии «сверху». Марксистская доктрина действительно сыграла какую-то роль в деятельности отдельных людей. Но дело не столько в этом и даже в каком-то смысле совсем не в этом. Это лишь поверхность исторического процесса, его пена, а не глубинный поток. Дело тут главным образом в том, что массы населения, совершенно незнакомые с марксистской или иной доктриной, сами и с лихованием ринулись в безбожие как в новую религию, сулившую им рай на земле и в ближайшем будущем. Более того, они ринулись в безбожие даже не ради этого рая, в который они в глубине души никогда не верили, а ради самого безбожия как такового. Это была трагедия для многих людей. Но для еще большего числа людей это был беспрецедентный в истории человечества праздник освобождения от пут религии. Какую бы великую историческую роль религия ни играла, она играла эту роль, накладывая на людей тяжелые обязательства и ограничения на их поведение. Религия действительно давала людям то, на что она и претендовала, но она при этом взваливала на людей тяжелый груз и лужила средством их порабощения. Подобно тому как многомиллионные массы населения в революцию и в Гражданскую войну сбросили путы социального гнета, игнорируя все их позитивное значение и не имея ни малейшего представления о том социальном закреплении, которое их ожидало в будущем, они в последующий мирный период сбросили путы религиозного духовного гнета, даже не подозревая о том, какого рода духовное закреплениe идет ему на смену. Новое закреплениe приходило к ним прежде всего как освобождение от старого, которое, согласно законам массовой психологии, воспринимается как наихудшее. Массы населения сами шли навстречу насилию и обману сверху. Они стимулировали его, становились его носителями и исполнителями. Без поддержки населения власти не смогли бы добиться такой блистательной и стремительной победы над религией, прозаставшей в душах людей в течение многих столетий. Репрессии и обман «сверху» означали в тех условиях организацию самих масс на эти репрессии и этот обман.

Но это было не только насилие и самонасилие, не только обман, самообман. Чтобы новое общество, рожденное революцией, выжило и укрепилось, оно должно было определенным образом перевоспитать и воспитать многомиллионные массы населения,

оно должно было породить многие миллионы более или менее образованных людей, способных хотя бы на самом минимальном уровне выполнять бесчисленные и разнообразные функции в обществе, начиная от простых рабочих и кончая государственными руководителями всех рангов и профилей. Коммунистическая идеология должна была в этом беспрецедентном в истории социальном, культурном и духовном перевороте сыграть решающую роль. Религия и церковь, доставшиеся в наследство от прошлого, разрушенного революцией социального устройства, встали на пути этого переворота как одно из главных препятствий. Началась битва за души и умы масс населения. Коммунистическая идеология должна была занять в обществе то место, какое до революции занимала религия, причем всемерно и всесторонне расширить и усилить эту роль. Идеология и религия в коммунистическом обществе принципиально непримиримы. Религия прививает людям определенное мировоззрение и определенные формы поведения, которые вступают в конфликт с идеологией коммунизма и формами поведения, какие требуются от граждан нарождающегося нового общества. В коммунистическом обществе складывается такой строй жизни людей и такой тип человека, что старые формы религии оказываются просто неадекватными им. Это обстоятельство в гораздо большей мере способствовало упадку православия в Советской России, чем гонения властей. Последние сами опирались на это обстоятельство. В результате получилось так, что самая активная, самая образованная, творческая часть населения страны стала нерелигиозной (атеистической) не из страха наказания (хотя и это сыграло свою роль), а главным образом добровольно, в силу новых условий жизни и образования.